

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

“ТЫ, ЖГУЧИЙ ОТПРЫСК АВБАКУМА...”

Глава 20. “Сегодня вскрытие мощей...”

Не “керженский дух” веял по стране, и не “игуменский окрик” раздавался в речах новых властителей и с газетных “щелкопёрных” страниц. Слышался, скорее, глас “Великого инквизитора”.

“Известия” от 4 ноября 1919 года. Заметка “У церковных стен”.

“Антисемитская агитация в центре Москвы в соборе Василия Блаженного”.

“Ящик” – гробница имени Гавриила (Гавриила Белостокского. – С. К.) со следующей возмутительной надписью, послужившей в своё время материалом и для Виппера, обвинителя по делу Бейлиса: “Святе младенче Гаврииле Ты за прободенного нас ради от иудей от них же в ребра прободен был” и т. д. (тропарь, глас 5), “Мученик Христов Гаврииле, идее же от истых зверей иудеев восхищен абже родителей лишен еси” (кондак, глас 6)...

Собором заведуют священник Ковалевский и священник В. Кузнецов. Кузнецов, по его словам, уполномочен заведовать церковью комиссией охраны памятников старины.

Ковалевский, Кузнецов, сторожа собора супруги Мешковы арестованы”.

За что? А получается – за “антисемитскую агитацию”...

А в это время в Вытегре... Борьба двух революций – русской с именем Христа и антирусской, противоправославной – разворачивается как в жизни, так и на страницах одних и тех же газет.

Ещё 20 ноября 1918 года “Звезда Вытегры” поместила сообщение об одном из таких столкновений.

“В с. Андомский Погост недавно произошёл прискорбный случай избияния агитатора на религиозной почве.

Агитатор А. Мосягин в своих словах немного нетактично задел крестьян... К сожалению, крестьяне ещё до сих пор погрязают в вековых религиозных суевериях...

Их тёмный рассудок взбудоражили слова Мосягина...

Большим пособником избияния был и священник от. Смирнов.

На многолюдную толпу действовали слова священника о том, чтобы постоять за “поруганную веру православную”.

И толпа постояла.

По делу избияния привлечены около 22 человек”.

Через две с небольшим недели появилось извещение Вытегорской уездной ЧК с результатами “привлечения”:

Продолжение. Начало в № 1–11 за 2009 год, № 1–3, 6, 7, 9, 10 за 2010 год, № 1 за 2011 год.

“По делу о контрреволюционном выступлении, происшедшем в Андомской волости, расстрелян священник Н. Смирнов как инициатор и главный соучастник этого мятежа”. (Одновременно здесь же газета печатает призыв Иллариона Мгеладзе — будущего хорошего знакомого Есенина, известного под фамилией “Вардин”: “Деревню нужно очистить от кулацкой нечисти, калёным железом нужно выжечь эту язву”).

Проходит 5 дней — и Александр Богданов печатает статью “О боге”, где швыряется от пап к энциклопедистам, от Канта, Спинозы и Шопенгауэра к сверхчеловеку Ницше, от Льва Толстого и Максима Горького — к “богу апостола пшеничного рая” Клюева.

“Христианство — религия рабов”, — лениво процеживали сквозь зубы римские патриции. Но первые христиане были настоящими, подлинными христианами. В своих тёмных катакомбах они немного наивно, но искренно боготворили Христа.

Начиная с римских пап, византийских патриархов, патеров, ксендзов, наших русских попов, Христос был украден у человека, был снова распят, подвергнут более тяжёлым мукам, чем на Голгофе”.

Дескать — революцией снят с креста Христос. Только — тут невольно вспомнишь Есенина: “Опять его вои стегают плетьюми и бьют головою о выступы тьмы...” Снова вступает в свои права сила — едва ли не более жестокая, нежели римская.

Статья “Вечерний звон”, посвящённая снятию колоколов, завершалась на ударной ноте:

“Вытегорский Исполком решил раз навсегда вычеркнуть из жизни этот пустозвон”.

Вычеркнуть сразу не удалось. Нашлись трезвые головы среди коммунистов, — невозможно было не понять, что ещё большая часть народа (во время продолжающейся гражданской войны!) отшатнётся от новой власти... А местная власть сама качалась, как на качелях. И своими судорожными действиями (как, впрочем, и центральная!) вносила ещё большую смуту в умы. И вот что выливалось на газетные страницы (историю с колокольным звоном оживлённо обсуждали крестьянки деревни Мегра):

“Проходя мимо небольшой кучки собравшихся свободных кумушек, пришлось невольно остановиться, услышав разговор о местной власти. Одна из них громко призывала Бога покарать того, кто выдал записку местному попу о запрещении колокольного звона, другая же настойчиво уверяла, что Бог обязательно сведёт тому руки и повернёт ноги пятками наперёд. “Я доподлинно узнала, что это сделали наши еретики-“команисты”. Другая, не менее крикливая ханжа-богомолка настойчиво предлагала отслужить молебен о здравии того, кто разрешил звонить, но, к сожалению, не знает, как его, благодетеля, звать...”

Специальное разъяснение по этому поводу “от НКВД — Вытегорскому исполкому” было опубликовано в “Вытегорской коммуне”.

“Народный комиссариат Внутренних Дел ставит вас в известность, что распоряжение ваше (о запрещении совершать богослужения со звоном) незаконно и как таковое подлежит немедленной отмене. Конституцией РСФСР предоставлено право свободного отправления богослужений с правом звонить в колокола, кадить, произносить кабалистические формулы, кропить водой верующих и всё проч., что входит в условие формы того или иного богослужения. Всё это — частное дело верующих, и всем этим упражнениям, поскольку они являются чисто церковным обрядом, государственная власть не должна чинить препятствий.

Бороться с вековыми предрассудками, опутавшими тёмных людей, мы должны только путём просвещения, причём должны учитывать всю силу этой темноты и подходить к делу осторожно, стараясь не вызывать ненужного озлобления, которое попы используют лишь в свою пользу...”

А 21 февраля на заседании Исполкома принимается следующее решение:

“Принимая во внимание, что острота момента, вызвавшая со стороны Исполкома запрещение колокольного звона, миновала — отменить постановление от 3 декабря 1918 г. о запрещении колокольного звона. При этом довести до сведения всех граждан, что в случае злоупотребления колокольным звоном последний будет вновь запрещён, и виновные будут подвергнуты наказанию по всей строгости революционных законов”.

“Бороться с вековыми предрассудками” и впрямь подчас рекомендовалось в формах “просветительских”.

“У нас, как и во Франции, борьба с церковью ограничивается огульным, бездоказательным, необоснованным и поверхностным отрицанием святости церкви и её догматов. Они и не были разрушены, но лишь отодвинуты за поле зрения и обихода и продолжают там существовать, сохраняя своё обаяние, умело создавшееся на протяжении веков...”

Мало ограничить сферу распространения заразы. Необходимо произвести полную дезинфекцию мозгов, расчистить почву, вырвать с корнем плеве-лы суеверия...

Взамен упразднённого Закона Божия следовало бы ввести в школах, или на вольных периодических курсах, ознакомление с изысканиями серьёзных учёных в области истории религий, исследований древнего востока и т. д....

Крест, напоминающий ныне лишь о позорной казни, ставший символом смирения и самоуничтожения, будет оправдан и вырван из цепких поповских лап. Он вновь обретёт своё первоначальное благородное отображение символа жизни и расцвета её во всех своих видоизменениях, от египетского с кольцеобразною рукояткою, греческого равностороннего, индусской свастики к мальтийскому с лучами пламени.

Лишь в свете знания религия перестанет быть опиумом народов” (“Звезда Вытегры”, 15 февраля 1919 г.).

Но “дезинфекцию мозгов” и “расчистку почвы” проводили не только методами “просвещения”. Точнее – и ими тоже. В своеобразной интерпретации.

Это была лютая трёхлетняя кампания, начавшаяся в 1918-м – кампания вскрытия мощей. В марте 1919 года “пурпурный лев” – Ленин, выступая на VIII съезде РКП(б), прямым текстом говорил о том, с чем столкнулись новые властители России: “...Была доказана необходимость строить, но мы совершенно не ответили на вопрос, как строить. Вначале мы смотрели на эти трудности совершенно абстрактно, как революционеры, которые проповедовали, но совершенно не знали, как взяться за дело. Конечно, масса людей обвиняла нас, и до сих пор все социалисты и социал-демократы обвиняют нас в том, что мы взялись за это дело, не зная, как довести его до конца (и до сих пор обвиняют демократы – уже без всякой приставки “социал”, – сами наломавшие за последние 2 десятилетия таких дров, что холод идёт по спине. – **С. К.**). Но это – смешное обвинение людей мёртвых. Как будто можно делать величайшую революцию, зная заранее, как её делать до конца! Как будто это знание почерпается из книг! Нет, только из опыта масс могло родиться наше решение”.

А строительство шло одновременно с разрушением. А строилось из подручного материала. А желание избавиться от божественной власти превалировало над всем, ибо то, что “Бога нет”, можно было орать от души на митингах, но борьба с ним шла нешуточная, – нельзя так ожесточённо бороться с Тем, Кого нет! А желание сохранить “памятники истории и культуры” сопровождалось плохим знанием или вообще незнанием того – что из себя представляет тот или иной “памятник”. А желание добра своему народу совмещалось с абсолютным непониманием – как ему это добро принести, и главное заключилось в том, чтобы это добро **н а с а д и т ь**. И всё это – при полном отсутствии исторической перспективы и при совершеннейшей импровизации действий. Это – в столице. Провинция – сама, каждая по себе, рулила, как хотела.

11 апреля – через месяц после бурного выступления “пурпурного льва” – в Троице-Сергиевой лавре происходит вскрытие мощей преподобного Сергия Радонежского под стрёкот кинокамеры Дениса Кауфмана (Дзиги Вертова). Периферия, опять же, не отставала.

В “Звезде Вытегры” уже в феврале печатаются письма священников с их отречениями от сана и извещение о вскрытии мощей св. Александра Свирского. “Колокольный звон... Всем он набил оскомину...” – злорадствует корреспондент и задаётся вопросом: “Годен ли идти святой в ряды Красной армии... Оказалось, что нет. Состоял святой из черепа, воскового туловища и ваты. Было немного стружек...”

Трудно подыскать что-либо даже в это время полной неустойчивости бытия и обесцененности человеческой жизни, чем это кошунство – столь противное, неприемлемое Ключеву ни по уму, ни по душе. Ангельские слова на-

ходил он для святого, столь почитаемого им – в пику газетному скрипу, что железом по стеклу. Он говорил, а Николай Архипов записывал:

“Есть подземный пчельник с земляным пасечным дедом. Там чёрные антрацитовые улья и чёрный мёд в них – мёд души народной. Серебряные пчёлы множат тяжкий мёд... Блюдут подземные пасеки посвящённые от народа: Александр Свирский, Лазарь Муромский, их же сонм не перечислишь. Тьмы серафимов над печью, Агнец-коврига – поющие знаки вечности, за ними же следует Лев, Ангел, Телец и Орёл.

Лев – страж умный, Орёл – очи мысленные, Ангел сердце слёзное, Телец – плоть. Для плоти же Тельца – хлев – формы земные: изба, гумно, посев, лён и одежда. Огонь же не разгадан и ангелами – он от уста Агнца. От огня – Роза поцелуя. Рождество поцелуя празднуется, как некогда рождество слова во плоти (Слово стало плотью).

Подземные пасечники это знают”.

Этого животворного огня Ключев не видит в храмах новообрядческих, в храмах “тихоновских”. Он, по-прежнему уповающий на “керженский дух”, на воскрешение в революционном огне “мучеников, убогих, кандальников вековечных”, словно воспринявший Слово Иоанна Патмосского, что слышал глас Господень: “Ангелу Ефесской церкви напиши: так говорит Держащий семь звезд в деснице Своей, Ходящий посреди семи золотых светильников: знаю дела твои, и труд твой и терпение твоё, и то, что ты не можешь сносить развратных, и испытал тех, которые называют себя апостолами, а они не таковы, и нашел, что они лжецы; ты много переносил и имеешь терпение, и для имени Моего трудился и не изнемогал. Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою. Итак, вспомни, откуда ты ниспал, покайся, и твори прежние дела; а если не так, скоро приду к тебе, и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься”.

“Сдвинутый светильник” – так и назвал поэт слово своё о новой “голландской” церкви. “От входных врат в неё Сердце у него закипело”, ибо “железные они” – “как в каторжных царских острогах”, паперть “замызгана”, “стены – извёстка мёртвая”, иконы – “не по чину расположены”, да и сами лики “машкарно выглядят, прокажёнными какими-то, настолько они “подновлены”. И – горечь от увиденного сродни аввакумовой: “Какое там молитвенное откровение! Подавай нам афишу, чтобы за версту пёрла, мол, у нас для вас – в самый раз. Забыла Голштиния, что ведь было когда-то иконоборчество. Люди за обладание иконой на костры шли, на львиные зубы. Из каких же побуждений райский воздух древних икон суриком замазываете? Утрачено чувство иконы – величайшего церковного догмата. И явилась потребность в афише, т. е. в том, чем больше всего смердит диавол, капитал, бездушная машинная цивилизация”.

Если вспомнить истоиво почитаемого Ключевым Андрея Денисова и его слова: “Церковь Божия не стены и покров, а вера и жизнь”, то нетрудно прийти к тому, что ни веры, ни жизни не видит Николай в храме, пред входом в который “младенца возбуждал” в себе. И как Андрей Денисов видоизменял слова Иоанна Златоуста, вещавшего: “Церковь Божия **не только** стены и покров, но вера и жизнь”, так же и Ключев отказывает всей новообрядческой церкви в подлинной вере, более того, обвиняет её, гонимую и казнимую, в новом убийстве Христа... И обвиняет словами, исполненными истинной поэзии и подлинного религиозного чувства, перекликаясь уже не с автором “Поморских ответов”, но с самим огнепальным протопопом, у которого “суетно кадило и мерзко приношение” в новой церкви, а Спас на иконах “яко немчин брюхат и толст учинён... А то всё писано по плотскому умыслу, понеже сами еретицы возлюбиха толстоту плотскую и опровергоша долу горня...” И слово Николая напоминает древние плачи:

“Увы! Увы! Облетело золотое церковное древо, развеяли чёрные вихри травчатое, червонное узорочье, засохло ветвие благодати, красоты и серафических неисповедимых трепетов! Пришёл Железный ангел и сдвинул светильник церкви с места его. И всё перекошилось. Смертные тени пали от стен церковных на родимую землю, на народ русский, на жемчужную тропу сладости и искусства духовного, что вьётся невидимо от Печенеги до индийских тысячестолпных храмов, некогда протоптанная праведными лапоточками мучеников народных, светоискателей и мужицких спасальцев... Перемучился народ, изжил свою скверну, перегорел в геенском окопном пламени и, поправ гро-

бовые пелены, подобно Христу, с гвоздиными язвами на руках и ногах, вышел под живое солнце, под всемирный красный ветер. Тут-то и облечься бы в светлые ризы и воспеть бы Церкви: “Сей день, его же сотвори, Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь”. Но Железный ангел сдвинул светильник Церкви с места его... Полетела патриаршая анафема на голову воскресшего Христа-народа, завертелся, как береста на огне, хитрый, тысячеботный консисторский бес, готовый удавить своими щупальцами Вечное солнце, Всемирную весну, смертию смерть поправшее народное сердце.

И всё это для торжества свечной кружки, для державы, блудницы вавилонской – всесветной шлюхи фрейлины Вырубовой!

Воистину мена Христа на разбойника Варавву! Обезьязычала Церковь от ярости, от скрежета зубного на Фаворский свет, на веянье хлада тонка, на краснейший виноград красоты и правды народной.

А где скрежет зубный, – там и ад непробудный. Там и мощи засмердят, и Александры Свирские с Митрофаниями Воронежскими в бабьи чулки да душегрейки разрядятся...

От крови Авеля до кровинки зарезанного белогвардейцами в городе Олонце ребёнка взывается с Церкви.

Кровь русского народа на воздухах церковных.

И никакая англо-американская кислота не вытравит сей крестной крови с омофоров церковных генералов...

“Приду и сдвину светильник твой с места его...” Это не я говорю, а в Откровении прописано, – глава вторая, стих же пятый побеждающий”.

И уже не имеет для него никакого значения, что он повторяет старые, не им сочинённые сплетни, о “шлюхе Вырубовой” и что Церковь, которую возглавляет патриарх Тихон, уже давным-давно не имеет ничего общего с Церковью дореволюционной – и подавно не служат в ней иереи, связанные некогда с Распутиным. Нынешние – ещё после Февраля отступились от царя... Всё это неважно – а важно то, как писано им в новом слове “Сорок два гвоздя” – “Христова плоть – плоть народная, всерусская, всечеловеческая...” Изуродованная сорока двумя гвоздями, чьё число – “счёт звериный (666)” (а это – сумма чисел еврейских букв словосочетания “Царь во Израиле”, то бишь антихрист). И вбивают эти гвозди в тело Христово “идолище поганое... цивилизация пулемётная, проволочная Америка”, “детина с угольком на губах и с леворвертом на поясе” и, кажется, противостоящая ему, вдохновляемая Тихоном Русская Православная Церковь. Только для Клюева она – не православная, ждёт он апокалипсиса, ибо “забрюхателя Россия Емануилом, Умом Недоуменным, Огненным безумием, от пламени которого, как писано: “Старая земля и все дела её сгорят”. И видится Новое небо и Новая земля. И не будет ничего проклятого”... И уж тем паче церкви, где сдвинут светильник рукой Железного ангела.

Кажется, ничего святого не осталось... Кажется. Поэт, восставший против тихоновской церкви, восстаёт одновременно против большевистского кощунства открытия мощей – и пишет “Самоцветную кровь”. Её он опубликует не в вытегорской печати, не на родине – в Петрограде, в “Записках передвижного общедоступного театра”, может быть, в единственном месте, где это слово могли принять.

“Народ, умея чтить своего гения, – пишет Клюев, – поклоняясь даже кусочку трости, некогда принадлежащей этому гению, никогда понятие о мощах не связывал и не связывает с представлениями о них, как о трёх или четырёх пудах человеческого мяса, не сгнившего в могиле. Дело не в мясе, а в той весточке “оттуда”, из-за порога могилы, которой мучились Толстой и Мечников, Менделеев и Скрябин, и которой ищет, ждёт и – я знаю – дожждётся русский народ. Какую же нечуткость проявляют те люди, которые разворачивают гробницы с останками просто великих людей в народе! (Позднейшие злоупотребления казённой, никонианской Церкви в этой области отвергнуты всенародной совестью, а потому никого ни в чём не убеждали и убеждать не могут.) Народ хорошо осведомлён о том, что “мощь” человека выявлена в настоящий век особенно резко и губительно. Лучи радия и чудовище-пушка, подъёмный кран и говорящая машина – всё это лишь мощь, уплотнённая в один какой-либо вид, ставшая определённой вещью и занявшая определённое место в предметном мире, но без возможности чуда множественности и сознательной жизни, без “купины”, как, определяя такое состояние, говорят наши хлысты-бельцы. Вот

почему в роде человеческом не бывало и не будет случая, чтобы чьи-нибудь руки возложили воздуха на пушечное рыло или затеплили медовую свечечку перед гигантским, поражающим видимой мощью, подъемным краном...”

Читаешь эти строки — и невольно думаешь о том, с какой лёгкостью нынешние архиереи осеняют крестным знаменем и кропят святой водой “мощь уплотнённую” — от военных кораблей и подводных лодок до “мерседесов” и внедорожников современных буржуа... Не о них ли Ключев писал девять десятилетий тому назад — “...В неприступных палатах, что по-аглински банками зовутся, гремит Золотой Змий, пирует царь Ирод-капитал и с ним князи и старшины, и тысячники, беззаконии студодейцы и осквернители и блазнители нечестивыи...”

Но с “Иродиады студодейной”, “Иродиады бескостной” нечего и взять. Страшно думать о том, слагая сердечные гимны новой власти, что те самые товарищи, которые казались братьями во Христе, совершают — по незнанию, по злобе ли — дьявольское кощунство над мощами святых, видя в них лишь “восковое туловище... вату... и немного стружек”... И пытается Ключев объяснить смысл происходящего, вразумить своих соотечественников, допускающих варварство и участвующих в нём:

“...Память совершается, не осыпается краснейший виноград, благословенное тело гробницы, хотя бы в ней обретались лишь стружки, гвозди, воск и пелены. Стружки с гвоздями как знак труда и страстей Христовых; воск как обозначение чистоты плоти и покрывала как символ тайны. Из алкания, подобного сему, спадает плод и из уст русских революционеров:

*Добрым нас словом помянет,
К нам на могилу придёт”.*

Он вспоминает народовольческий гимн — словно возвращает нынешних революционеров памятью к их предшественникам, надеясь, что не из уважения к церкви — из благоговения перед мученическими судьбами народников останутся разрушители. Он взывает к их народолюбию — ради кого же принимали они участие в революции, как не ради блага народа — по их словам?! Он закликает их словами о народной красоте, что, поруганная, не останется неотмщённой.

“Под игом татарского ясака, кровавой кобылы Биронов и Салтычих, чело-векодавов и неусыпающего червя из александровских “третьих отделений” народ пронёс неугасимым взором чисточетверговый огонёк красоты, незримую для гордых взоров свою индийскую культуру: великий покой египетского саркофага, кедровый аромат халдейской курильницы, глубочайшие цветовые ощущения, претворение воздушных сфер при звуке в плод, неодолимую силу колыбельной песни и тот мёд внутренний, вкусив которого просветлялись Толстые, и Петры Великие повелевали: “Не троньте их”. (Слова Петра об олонецких выгорецких спасальцах.) Тайная культура народа, о которой на высоте своей учёности и не подозревает наше так называемое образованное общество, не перестаёт излучаться и до сего часа... И если за поддельно умирающего в Борисе Годунове Шаляпина учёные люди платят тысячи, то вполне понятны и те пресловутые копейки, которые с радостной слезой отдаёт народ за “Огненное восхищение”, где тысячи артистов, где последняя корявая бабёнка чувствует себя Комиссаржевской, рыдая и целуя землю в своей истинно артистической одержимости...”

Комиссаржевская тут, конечно, ни при чём. Ключев, публикуя “Самоцветную кровь” в театральном журнале, куда её приняли его близкие друзья — издатели, артисты и режиссёры Павел Гайдебуров и Виктор Шимановский — “адаптировался” здесь, не изменяя себе по сути, к театральной и околотеатральной публике, которая в первую очередь брала бы в руки “Записки передвижного общедоступного театра”. Куда точнее и естественнее для самого себя писал он “корявую бабёнку” в “Сорока двух гвоздях”: “Христа-Спасителя последняя заваливающая бабёнка знает лучше, чем Толстой с Ренаном. Носит Его язвы на себе. И гвозди Его. Тайна сия велика есть. Христос и заваливающая бабёнка — это сладчайший жених и невеста преукрашенная. Да будут два — в плоть едину...” А “плоть едина” — это не “артистическая одержимость”... Но сделал эту — единственную здесь — “уступку”, Ключев переходит к самому главному:

“Направляя жало пулемёта на жар-птицу, объявляя её подлежащей уничтожению, следует призадуматься над отысканием пути к созданию такого искусства, которое могло бы утолить художественный голод дремучей, черносошной России... А пока жар-птица трепещет и бьётся смертно, обливаясь самоцветной кровью, под стальным глазом пулемёта. Но для посвящённого от народа известно, что Птица-Красота – родная дочь древней Тайны, и что переживаемый русским народом настоящий Железный Час – суть последний стёг чародейной иглы в перстах Скорбящей Матери, сшивающей шапку-невидимку, Покрывало Глубины, да сокрыто будет им сердце народное до новых времён и сроков, как некогда сокрыт был Град-Китеж землёй, воздухами и водами озера Светлояра”.

В этих строчках трудно было не ощутить внимательному читателю подспудную угрозу, ибо известно: “новые времена и сроки”, которые совлекают Покрывало Глубины с заветного клада – есть последние времена для жизни, этот клад схоронившей... Не об этом, скорее всего, думали те, кто скоропостижно откликнулся на “Самоцветную кровь”, снабжённую Клюевым подзаголовкам “Из Золотого Письма Братьям-Коммунистам”. Ощетинились “Братья-Коммунисты”, интуитивно почуяв “анчарный яд” в “стволе” клюевского слова супротив вскрытия мощей.

“...С этой ставкой на корявую бабёнку можно очень далеко уйти – назад”, – вещал анонимный рецензент в “Вестнике театра”. Более содержательным был отклик В. Блюма, который через несколько лет объявит о том, что “пора убирать исторический мусор с площадей”, подразумевая под “мусором”, в частности, памятник “Тысячелетию России” в Новгороде и памятник “гражданину Минину и князю Пожарскому” в Москве... А тогда в “Вечерних известиях”, укрывшись псевдонимом “Тис”, он вещал со смешанным чувством страха, отвращения и ненависти: “Лозунг “назад”, давно и упорно выкликаемый буржуазной наукой... доводится до своего логического конца – абсурда в мистическом течении “современной поэзии”... Хлыстовский “революционер”, нашедший в прошлом году в т. Ленине какой-то керженский дух, исследует “наперекор точнейшим естественным наукам” то, что “маковым цветом искрится внутри у каждой рязанской и олонечкой бабы”. И если для поэта мощи – это “тайная культура народа”, то для рецензента – “пережиток грубейшего фетишизма”...

В общей сложности в 1918–1920 гг. было вскрыто 65 раков с мощами святых в 14 губерниях России. Через 10 лет в поэме “Каин”, в её сохранившихся строках, Клюев воплотит весь ужас свершившегося, созерцая кошунство глазами “детины с угольком в зубах и с леворвертом на поясе”, но уже не отделяя от него и себя – словно провоцировавшего тогда совершаемое на его глазах в 1929-м разрушение храмов своим поэтичнейшим словом о “сдвинутом светильнике”.

*Сегодня вскрытие мощей.
Любил могильные фиалки
Подростком собирать в картуз,—
Теперь на сон пустой и жалкий
Я улыбаюсь в карий ус.
Иду с товарищем-наганом
На тайну смерти и гробов,
В ладью луны за океаном
Невозвратимых парусов.
Луна — любовница светилам,
Но в юно-палевый восход
Тоска старинная по жилам
Змеёй холодною ползёт.
.....
На древней паперти народ
Нас поразил глухим молчаньем.
И отвернулся с содроганьем
Меня приветный херувим.
.....
Запахло тлеющим арбузом,*

*И нос чихал от едкой моли...
Мы написали в протоколе:
В такой-то год, в такой-то день
Нашли в гробнице сохлый пень,
Мирроточивую колоду...
На паперти же по народу,
Как в улье гуд, росла молва,
Что Иоаннова глава
Зардела... Ну, конечно, вапой.
Мне кот услужливою лапой
Помог бумагу подписать,
Хвостом же приложил печать.*

...28 сентября 1919 года “Звезда Вытегры” (возможно, не без прямого воздействия Ключева) публикует заметку “Памятники старины”: “В провинции у нас колоссальные сокровища древностей. В настоящее время необходимо прилагать все усилия, чтобы то, что уцелело, сохранить в неприкосновенности, не допустить дальнейших разгромов”. 4 октября там же печатается статья Владимира Бонч-Бруевича “Сохраняйте архивы”, также, видимо пошедшая в газету не без согласования с Ключевым: “В России вот уже почти тысячу лет развивается интереснейшее крестьянское движение, которое у нас было принято называть сектантским. В этом движении, по преимуществу крестьянских масс, отразилась вся многовековая жажда к свободе, к новой, лучшей жизни. И эти массы по-своему искали выхода из создавшегося положения вещей, созидая свои учения, свои песни, свои сказания, легенды, философские рассуждения, жизнеописания своих мучеников. У этих трудовых общин, нередко целые столетия живших своими коммунами, представители царского правительства постоянно делали обыски и отбирали у них драгоценные материалы, рукописи, летописи, картины, древние книги, сборники и пр., и всё это складывалось в свои архивы, в которые никого не подпускали для изучения всех этих крайне важных для истории русского народа документов.

Для нас самих и более всего для будущих поколений, будем тщательно сохранять архивы. Все исполкомы, совдепы и другие местные власти должны зорко за этим смотреть, а то, право же, стыдно становится, когда узнаешь, что распоряжение Высшего Совета Народного Хозяйства о сборе негодной и использованной бумаги, старых газет и т. п., — на местах поняли так, что стали складывать на возы архивы различных учреждений и увозить их на писчебумажные фабрики для переработки.

В вихре революции, нередко уничтожающем огромные ценности, постараемся всеми мерами сохранить достояние науки, литературы и искусства, дабы никто, нигде и никогда не мог бы упрекнуть нас в вандализме, в излишнем усердии к всесокрушающему разрушению; наоборот, пусть история всесветно отметит, что наша Революция, прошедшая под знаком классового самосознания рабочих и крестьян, овладевшая впервые в мире всем аппаратом власти, поставив у её кормила пролетария и трудового крестьянина, была действительно достойна наименования Великой Пролетарской Революции, бросающей свет миру на многие столетия, зовущая всех к всенародному интернациональному объединению всех трудящихся в одну, полную подъёмного творчества и святого воодушевления семью”.

Трудно не допустить, что Ключев имел беседы с Бонч-Бруевичем — и они нашли общий язык. Для Николая сбережение святых мощей во всей их материальной и духовной значимости, сохранение сокровищ древностей и сектантских архивов — единое подвижническое действие. Он сам увещевал и своих земляков на встречах, где произносил огненные речи “по текущему моменту”, как это было на новогоднем собрании коммунистов 1 января 1920 года (“Истина победила! Вера и мысль освобождают поработённых! Да здравствует Революция!”) или на уездном учительском съезде, где он произнёс “Слово о ценностях народного искусства”. То, чем он раньше делился с Блоком и Есениным, то теперь пытался сделать достоянием провинциальных учителей.

“Думают, подозревают ли олончане о той великой, носящей в себе элементы вечности, культуре, среди которой они живут? Знают ли, что наш своеобразный бытовой орнамент: все эти коньки на крышах, голуби на крыльцах

домов, петухи на ставнях окон — символы, простые, но изначально глубокие, понимания олонецким мужиком мироздания?..

Как жалки и бессодержательны все наши спектакли-танцульки перед испокон идущей в народе “внешкольной работой”, великим, всенародным, наиболее богатым эмоциями, коллективным театральным действием, где каждый зритель — актёр, действием “почитания мощей”.

Искусство, не понятое ещё миром, но уже открытое искусство, и в иконописи, древней русской иконописи, которой так богат Олонецкий край... Надо быть повнимательней ко всем этим ценностям, и тогда станет ясным, что в Советской Руси, где правда должна стать фактом жизни, должны признать великое значение культуры, порождённой тягой к небу, отвращением к лжи и мещанству, должны признать её связь с культурой Советов. Учителство должно оценить этот источник внутреннего света по достоинству, научить пользоваться им подрастающее поколение, чтоб спасти деревню от грозящей ей волны карточной вакханалии, фабрично-заводской забубённости и хулиганства...”

Почти век прошёл, как были написаны и произнесены эти слова — а слово сегодня сказаны, и вновь надо возвращаться к тому, с чего когда-то пытались начать мудрецы, которых не пожелали понять тогда, не желают слышать и теперь.

И ещё одно: удивительным образом смысл и тональность клюевского “Слова о ценностях народного искусства” перекликаются со словом, что было опубликовано в 1965 году в “Молодой гвардии” под названием “Берегите святыню нашу!” за подписями трёх гениев слова живописи и скульптуры, что тесно общались в своё время с Николаем — за подписями Сергея Коненкова, Павла Корина, Леонида Леонова.

“Ни для кого не секрет, что на Севере разбираются на дрова, летят в топки пароходов, полыхают яркими кострами на лесосеках маленькие деревянные шедевры, создания безымянных предков, самородных русских зодчих. Гибель этих творений человеческого гения проходит в тишине, как явление вполне законное и закономерное... Нам стыдно и горько доказывать взрослым людям такие истины, но приходится говорить о том, что древние камни и знаменитые могилы (куда добирается небрежная рука осквернителя, добирается и даже шарит по костям, которые принадлежат векам, ради работ сомнительного научного значения), что эти камни и могилы — часть нашей истории, часть нашего собственного бытия. Горько и стыдно убеждать в очевидной истине, которую должно со школьной скамьи прививать человеку, доказывать, что эти обветшалые строения, отдаваемые на милость непогоды и хулиганства, святыни...”

С этого слова трёх титанов русской культуры и началось Всероссийское добровольное общество охраны памятников истории и культуры, на одном из первых заседаний которого старейший русский писатель и краевед, дворянин, прошедший лагеря и ссылки, Олег Васильевич Волков поинтересовался: “А не отправят ли, господа, нас за это на Соловки?” Горький жизненный опыт сказался в самом вопросе.

...А тогда Клюев, убеждённый в том, что христианские заповеди органически сочетаются принципами коммунизма, надеялся, что его слово дойдёт и до земляков и до власть имущих.

В самое ближайшее время пришлось Николаю удостовериться, что его понимание фундаментальных основ духовного перестроения государства и народа кардинально расходится с пониманием большинства “на заставах команду имеющих”. Ему дали это понять в ближайшие дни.

(Продолжение следует)